

Существует ли смысл истории? (О философии истории К. Поппера)

Имя Карла Раймунда Поппера хорошо известно каждому, кто профессионально занимался философией или хотя бы немного изучал современную философскую мысль. Сэр Карл (Поппер заслужил дворянское звание своей профессиональной деятельностью), перешагнувший в 1992 году рубеж 90 лет, является сегодня, вероятно, наиболее известным из живущих философов. Многие его работы стали классическими. Впечатляют разнообразие профессиональных интересов Поппера, ясный и точный стиль изложения. Ему принадлежат как фундаментальные работы по методологии научного познания, так и исследования по философии истории. Наше столетие не знало другого мыслителя такого уровня (за исключением, возможно, Б. Рассела), который бы столь свободно ориентировался и в естественно-научном, и в гуманитарном и социальном знании, нередко органично их связывая. Особую известность в методологии науки получил попперовский «принцип фальсификации», оригинально решающий проблему демаркации сфер научного и ненаучного. Позднее он развил концепцию «трех миров», в которой обосновал существование наряду с физическим и психическим «третьего мира» — мира объективированных человеческих знаний. Некоторые важнейшие работы Поппера по методологии науки уже относительно давно переведены на русский язык¹, они подробно анализировались в нашей философской литературе. Отчасти это объясняется тем, что Поппер вел спор с неопозитивистами, с их принципом верификации, а неопозитивисты, как известно, критиковались нашей официальной философией.

Центральные же работы ученого, посвященные изложению его взглядов на исторический процесс, возможности и ограничения на пути его научного исследования, стали доступны российскому читателю лишь недавно. Ведь как социальный мыслитель Поппер резко критиковал различные варианты «закртых», недемократических обществ, формированием которых заканчивались, в частности, и попытки реализации коммунистического идеала. В 1992 году на русском языке был издан фундаментальный труд «Открытое общество и его враги», в 1993 году — «Нищета историцизма». Они включают специальные обращения к нашему читателю, в которых Поппер выражает интерес к преобразованиям в России, высказывает солидарность с людьми, испытывающими большие жизненные трудности на пути создания более открытого, справедливого и богатого общества. Важно то, что суждения и размышления философа об историческом процессе не только отражают его теоретические позиции, но и органично связаны с большим жизненным опытом, вместившим в себя бурную и противоречивую историю нашего столетия.

В предисловии к русскому изданию «Нищеты историцизма» Поппер пишет: «История — то, что случилось в прошлом. Это не река и не сила. История —

¹ См. П о п п е р К. Логика и рост научного знания. М., 1983.

всегда заканчивается сегодня, в этот самый момент времени. Начиная с сегодняшнего дня мы сами, ваша воля, наши убеждения — вот что может влиять (хотя, конечно, лишь отчасти) на то, что случится в будущем. Мы способны влиять на будущее, и не только посредством наших этических убеждений, но и с помощью нашей готовности принять на себя ответственность, с помощью критического к себе отношения, благодаря способности учиться и разучиваться, благодаря нашему скептицизму в оценке идеологий, особенно идеологий исторического характера».

Сегодня, когда Россия, ее граждане, ее интеллигенция переживают период весьма сложный как в политическом, социально-экономическом, психологическом, так и в интеллектуальном плане, когда идет трудный поиск концептуальных ориентиров трансформации нашего общества, важны не только понимание и оптимальное решение актуальных проблем, с которыми сталкивается страна. Не меньшее значение, особенно в исторической перспективе, имеет осмысление накопленного в мире интеллектуального богатства. В этом плане размышления Поппера о смысле, направленности, тенденциях исторического процесса, несомненно, заслуживают самого пристального внимания. Ниже я кратко изложу некоторые моменты попперовской концепции познания, а затем остановлюсь на его понимании исторического процесса. Обильное цитирование даст возможность лучше понять ход мысли философа, особенности его логической аргументации и литературного стиля.

Критический рационализм

Когда речь идет о долго и плодотворно работающем философе, как правило, уточнявшем, развивавшем и даже критиковавшем собственные взгляды, не просто дать точную и адекватную оценку этих взглядов. Обычно такая оценка бывает неполной или односторонней. Можно выделять различные периоды творчества, делать оговорки, но некоторый момент условности все же почти неизбежен, как и при любой схематизации. Что касается Поппера, то его философскую концепцию обычно квалифицируют как «критический рационализм». Таким определением удачно подчеркнута центральная роль в его философии метода рационально-критического анализа, который Поппер распространяет на все сферы реальности (хотя, конечно, в истории философии Нового времени «критичность» как характерная черта философских систем встречается неоднократно: критика «идолов» Ф. Бэконом, картезианское сомнение или философия И. Канта). Одним из ключевых компонентов, в определенном смысле символом критической методологии Поппера, и стал выдвинутый и обоснованный им еще в 30-е годы «принцип фальсификации», позволяющий провести демаркацию между наукой и ненаукой (или псевдонаукой). Основная его идея состояла в следующем: знание, претендующее на статус научного, должно быть в принципе опровержимо (фальсифицируемо). Иначе говоря, научная теория разграничивает множество имеющих к ней отношение фактов на два подмножества: первое совместимо с ней (подтверждает ее), второе — опровергает. По Попперу, чем более четко можно провести границу между этими подмножествами и чем больше второе из них, тем более «смелой» является теория, тем с большим основанием она претендует на статус «научной». Следовательно, если теория совместима почти с любыми фактами, если она приемлет такие модификации, которые позволяют ей адаптироваться к ним, объясняя все, что угодно (становясь при этом как бы «резиновой»), она не заслуживает статуса научной, хотя по многим внешним признакам может выглядеть достаточно «научообразно». «Подтверждение теории почти ничего не значит, если мы не нашли и даже не пытались найти ее опровержения. Если мы не критичны, то всегда найдем то, что нам хочется найти: в

² Поппер К. Ницета историцизма. М., 1993, с. III.

результате поисков найдутся подтверждения, а того, что будет представлять опасность для наших любимых теорий, мы просто не заметим»³.

На основании этого Поппер признал ненаучным, скажем, птоломеевскую теорию эпициклов, вполне успешно описывающую любые аномалии в наблюдаемом движении планет, или учение марксизма, столь же успешно разъяснившего отсутствие социалистических революций в большинстве стран (предсказывавшихся им же) с помощью корректив, внесенных ленинской теорией империализма. Точнее говоря, именно размышления философа над особенностями этих двух теорий (а также психоанализа) привели его к формулировке принципа фальсификации.

Научная теория не должна «бояться» критического сопоставления с опытом, фактами и не стремиться «выжить любой ценой», в том числе за счет радикального пересмотра своих ключевых положений. Более того, путь, которым идет подлинно научное знание, основан именно на постоянной самокритике, на попытках найти «слабые места» в выдвинутых теориях, противоречащие им факты, на проведении экспериментов, которые выявили бы неадекватность теории. Таким образом, критический дух — это внутренняя движущая пружина развития научного знания, устранения ошибочных допущений и неточностей, приближения к тому, что можно назвать «истиной». Наука, по Попперу, является естественным продолжением и развитием той познавательной способности, вообще присущей человеку, которая присутствует как в повседневном опыте, так и в иных, отличных от науки, сферах деятельности. Что касается рационализма Поппера, для его понимания существенно следующее разъяснение: «Короче говоря, рационалистическая позиция, или, как ее можно назвать, «позиция разумности», очень близка к позиции науки с ее уверенностью, что в поисках истины мы нуждаемся в сотрудничестве и что с помощью доказательств можно добиваться некоторого приближения к объективности»⁴.

Поясняя свою позицию, философ использует такой пример: интеллектуальная одаренность, или ум, может быть присуща изолированному индивиду, например Робинзону Крузо; если бы он оказался на необитаемом острове в раннем детстве, он мог бы использовать это качество для того, чтобы выжить. Но он не изобрел бы ни языка, ни искусства аргументации. Последние имеют социальный характер и формируются лишь в процессе общения, при этом развитые языковые формы используются для фиксации и передачи сложной общезначимой информации на основе определенных, признаваемых участниками общения правил. «Тот факт, что рационалистический подход принимает во внимание прежде всего доказательства, а не личность доказывающего, имеет далеко идущие последствия. В соответствии с этим фактом мы должны признавать всякого, с кем общаемся, потенциальным источником доказательств и разумной информации, устанавливая тем самым то, что можно назвать «рациональным единством человечества»⁵.

Критический рационализм несмотря на всю его критичность не является синонимом или даже чем-то близким к скептицизму и релятивизму. Хотя наши надежды на абсолютно достоверное знание не основательны, все же процесс познания направляется и стимулируется именно стремлением приблизиться к истине. Поппер убедительно иллюстрирует этот тезис на примерах из истории науки, разъясняя, в частности, свое понимание уязвимости, «погрешности» знания: «...мы не способны предвидеть, какие области нашего знания могут в один прекрасный день потерпеть фиаско. Поэтому вера в научную достоверность и авторитет науки оказывается благодушным пожеланием: наука погрешима, ибо наука — дело рук человеческих. Однако концепция погрешимости (*fallibility*) знания или тезис, согласно которому все наше знание состоит из догадок, хотя часть из них и выдержала самые суровые проверки, не должны использоваться в поддержку скептицизма или релятивизма. Из того факта, что мы можем заблуж-

³ Там же, с. 154.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. II. М., 1992, с. 260.

⁵ Там же, с. 261.

даться, а критерия истинности, который уберег бы нас от ошибок, не существует, отнюдь не следует, что выбор между теориями произволен или иррационален, что мы не умеем учиться и не можем двигаться по направлению к истине, что наше знание не способно расти»⁶.

Еще юношей, затем молодым человеком Поппер стал свидетелем драматических событий европейской и мировой истории XX века — обеих мировых войн, прихода к власти тоталитарных режимов на востоке и в центре Европы. После вторжения Гитлера в Австрию он эмигрировал в Новую Зеландию, где жил до 1943 года. В этот период им были написаны и подготовлены к публикации его основные работы по философии истории «Нищета историцизма» и «Открытое общество и его враги». Его творческую мысль стимулировали, конечно, не только сложнейшие теоретические проблемы как таковые, но и реальная политико-идеологическая и военная ситуация, страшная угроза, нависшая над существованием и развитием демократических обществ. Свои выдающиеся аналитические способности, талант логика и методолога науки, незаурядную эрудицию Поппер направляет на исследование сложных и актуальных вопросов о сходстве и различиях природной и социальной реальности, о методологии естествознания и общественных наук, о возможности сформулировать законы истории и на их основе дать точный прогноз будущего. К каким же выводам приходит философ и как он их обосновывает?

Методы естественных и социальных наук. Критика историцизма

Выше я отмечал, что Поппер считает человеческое познание единым процессом, основанным на способности человека накапливать и обобщать факты, выдвигать гипотезы, подвергать их критической проверке, уточнять или заменять их новыми и т. п. Однако конкретные механизмы познавательной деятельности, возможности, создаваемые ею для приближения к истине, весьма существенно различаются в науках о природных и общественных явлениях. Поэтому цели и задачи, которые вправе ставить перед собой исследователи, работающие в этих областях, также весьма различны. Так, Поппер утверждает, что «...в социальных науках нет ничего, что можно было бы сравнить с математическими сформулированными законами физики»⁷. Что касается исторического исследования, то на него накладываются дополнительные ограничения, связанные с тем, что относится лишь к единичным событиям. «С нашей точки зрения, действительно не может быть никаких исторических законов. Обобщение принадлежит к таким научным процедурам, которые следует строго отличать от анализа отдельного события и его причинного объяснения. Задача истории как раз и заключается в том, чтобы анализировать отдельные события и объяснять их причины. Те, кого интересуют законы, должны обратиться к обобщающим наукам (например к социологии)»⁸.

Подобная позиция может показаться сходной с неокантианским разграничением природы и истории и, соответственно, объяснительного и описательного методов, которые применяются при их изучении. Поппер подчеркивает, что в истории также присутствует объяснение, но оно связано с поиском вполне конкретных причин конкретных событий и не может привести к открытию «законов».

Поскольку не существует исторических законов, которые могли бы быть точно сформулированы и выражены в математической форме, подобно физическим законам, то тщетна надежда на имеющие реальную научную ценность исторические предсказания и прогнозы. Поппер подробно обосновывает этот тезис, одновременно критикуя и выявляя принципиальные слабости концепции, называемой им «историцизмом», которая «...видит главную задачу социальных наук в

⁶ Там же, с. 448.

⁷ Поппер К. Нищета историцизма, с. 33.

⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги, с. 305.

историческом предсказании. Задача эта решается, когда в основе исторически эволюции усматривают «ритмы», «схемы», «законы» или «тенденции»⁹. (Маркс являлся выдающимся, но отнюдь не единственным защитником такого подхода. Напомню лишь начальные фразы «Заката Европы» О. Шпенглера: «В настоящей книге делается смелая попытка предугадать ход истории... До сих пор к возможности решить столь важную задачу относились без достаточного внимания.. Существует ли логика истории? Не скрывается ли за всеми случайными и не поддающимися учету единичными событиями, так сказать, метафизическая структура исторического человечества, по существу не зависящая от бросающихся в глаза поверхностных культурно-политических явлений? Не вызывается ли, скорее, ею эта действительность низшего порядка? Не повторяются ли великие моменты всемирной истории в форме, позволяющей проницательному взгляду делать обобщения? А если так, то как далеко простираются границы такого рода обобщений?»¹⁰.)

Однако общественные явления отличаются от природных принципиально, поскольку человек в них выступает в двух ипостасях одновременно: актера и зрителя. Любые теоретические построения и концепции, в том числе претендующие на предсказание хода будущих событий, неизбежно будут тем или иным (принципиально непредсказуемым) образом влиять на этот ход, следовательно, «...точный и детальный календарь социальных событий есть идея самопротиворечивая; поэтому точные и детальные социальные предсказания невозможны»¹¹.

Сторонник историцизма мог бы возразить на это, что он вовсе не претендует на точные и детальные предсказания, но способен на основе применяемых им методов предсказать существенные черты будущих событий. Ведь во многих областях естественно-научного и технического знания расчеты и прогнозы будущих ситуаций также могут иметь ограниченную точность или носить принципиально вероятностный характер, и от этого они не утрачивают статуса научности и т. п. Таким образом, обсуждение неизбежно уйдет в сторону обоснования конкретных критериев точности и долгосрочности прогноза, отражения в нем существенных (и в каком именно смысле) черт предсказываемых событий. Поппер, очевидно, четко понимает смысл подобных возражений историциста, что видно, в частности, из предлагаемого им понятия «социальная инженерия», о чем будет сказано ниже.

Есть еще один аспект историцизма, критикуемый Поппером. Указанная доктрина претендует на определение основных направлений грядущих изменений, что может быть охарактеризовано как социальное пророчество, и такое пророчество (в частности, у Маркса) имеет целью внушить людям представление о неумолимом движении к более «благому», «рациональному», «справедливому» общественному устройству. «Такой взгляд близок к вере в социальные и политические чудеса, отрицая за человеческим разумом силу сотворения более разумного мира»¹².

Целеполагающая деятельность человека способна, по Марксу, лишь ускорить (или затормозить) действие непреложных объективных законов, может лишь сократить и облегчить муки рождения нового общества, вызревающего в недрах предшествующего. Поппер же полагает, что не существует достаточных оснований для утверждения, что в историческом плане деятельность человека может претендовать лишь на функции социального акушерства; с его точки зрения, такой подход, хотя на его основе и сформировалась одна из наиболее активных в истории идеологий революционных преобразований, все же означает принижение творческих возможностей человека. «Историцизм не учит бездеятельности или фатализму, однако утверждает, что любая попытка вмешаться в надвигающиеся

⁹ Поппер К. Ницета историцизма, с. 10.

¹⁰ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993, с. 5.

¹¹ П о п п е р К. Ницета историцизма, с. 21.

¹² Там же, с. 60—61.

изменения тщетна; историцизм — это особая разновидность фатализма, для которого неизбежными выступают тенденции истории»¹³.

Однако Поппер отрицает не все теоретическое содержание историцизма. Ссылаясь, в частности, на исторические размышления Л. Толстого в «Войне и мире», он замечает: «Некоторые здоровые элементы в историцизме, несомненно, есть: прежде всего, историцизм — это реакция на наивную интерпретацию политической истории как истории великих тиранов и великих генералов. Историцисты правы, этот метод — не из лучших. Именно поэтому их «духи» — дух века, дух нации, дух армии — выглядят такими соблазнительными»¹⁴. Вспомним в связи с этим о защите и пропаганде В. Лениным марксовской концепции общественного развития как естественно-исторического процесса в полемике с «субъективной социологией» народников. Приведенное выше замечание Поппера удачно, на мой взгляд, разъясняет мотивы, по которым молодой Ульянов принял точку зрения Маркса на исторический процесс, позволившую преодолеть субъективизм имевшихся его интерпретаций.

Интересно сопоставить антиисторицистские аргументы Поппера с доводами других критиков идеи исторической закономерности. Приведем характерное высказывание П. Сорокина из статьи «Историческая необходимость»: «В истории же в каждый момент условия уже не те, что были прежде. И мы можем лишь сказать, что в прошлом из таких-то условий вытекало то-то. Но ведь в данный момент условия-то новые, а не прежние, поэтому на основании бывшего и сущего не можем никогда сказать, что неминуемо должно быть в будущем... Обладающий определенной психофизической организацией, путем бесчисленных страданий и опытов выработавший интеллект как могучее средство творчества истории, ставящий себе цели и достигающий их человек был всегда единственным творцом своей истории... Поэтому так называемая закономерность в истории в переводе на обычный язык означает то, что не может быть ни одного исторического факта, который противоречил бы свойствам человека или совершался бы помимо него»¹⁵. Вернемся, однако, к позиции Поппера. Может возникнуть вопрос, не ведет ли его критика историцизма к обоснованию волонтаризма, к идее, что нет ничего невозможного в обществе, что реализуем любой, самый фантастический социальный проект, если имеется необходимая для мобилизации масс политическая воля и т. п. Подобный взгляд Попперу не менее чужд, чем историцистский фатализм. Что же можно противопоставить историцизму? На такую роль могла бы претендовать, в частности, технологическая социальная методология (социальная инженерия). Ее задачей «... стала бы разработка средств, помогающих избежать нереальных конструкций. Она была бы антиисторицистской, но ни в коем случае не антиисторичной. Исторический опыт служил бы для нее важнейшим источником информации»¹⁶. С позиций такой методологии нет принципиальной разницы между задачами, решаемыми физикой, техникой и социальным управлением: «Подобно тому, как основной задачей инженера-физика является проектирование и эксплуатация машин, задача социального инженера состоит в проектировании и реконструкции социальных институтов, а также в управлении ими»¹⁷.

Социальный инженер должен выбирать между «крупномасштабными» либо «поэлементными» действиями. Однако на действия первого типа решится, скорее всего, сторонник историцизма, верящий в познанные им исторические законы и не опасющийся серьезных нарушений социальной устойчивости (а иногда и прямо к ним стремящийся). Обоснованным же, по мнению Поппера, может быть лишь поэлементный подход, поскольку лишь в его рамках можно адекватно контролировать социальную ситуацию, видеть реальные причинно-следственные связи, возникающие в процессе преобразования общества: «„Поэлементный”

¹³ Там же, с. 62.

¹⁴ Там же, с. 170—171.

¹⁵ С о р о к и н П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992, с. 518—520.

¹⁶ П о п п е р К. Нищета историцизма, с. 56.

¹⁷ Там же, с. 76.

инженер, подобно Сократу, знает, как мало он знает. Он знает, что мы учимся только на своих собственных ошибках. Соответственно этому он будет прокладывать путь, делая один шаг за другим и беря на заметку последствия проводимой реформы, он будет избегать сложных и масштабных реформ, где уже невозможно бывает разобраться, где причина, а где следствие, и понять, что же, собственно, он делает»¹⁸. Поэтому реальные и практически важные задачи социальных наук — не обоснование глобальных прогнозов и пророчеств об отдаленном будущем, а открытие и исследование «менее очевидных зависимостей, имеющих место в социальной сфере. Таковыми являются: раскрытие трудностей, встречающихся на пути социального действия, изучение, так сказать, громоздкости, гибкости и хрупкости социального материала, его сопротивления нашим попыткам формировать его и работать с ним»¹⁹.

Историческая наука как система «общих интерпретаций»

Поппер отмечает, что научное описание и обобщение фактов вообще, в том числе и в естествознании, в значительной степени селективны. Теорию научного познания, признающую и подчеркивающую важность руководящегося определенными критериями отбора фактов, он называет «теорией науки как прожектора»: то, что высвечивает прожектор, зависит от его расположения, направления луча, яркости и т. д., хотя, безусловно, и от свойств самих освещаемых объектов. «Аналогично, научное описание существенно зависит от нашей точки зрения, наших интересов, связанных, как правило, с теорией или гипотезой, которые мы хотим проверить, но оно также зависит и от описываемых фактов... Такой избирательный, или селективный, характер научного описания делает его в определенном смысле «относительным», но только в том смысле, что мы могли бы предложить не такое, а другое научное описание, если наша исходная точка зрения была бы иной»²⁰.

Если это верно применительно к естествознанию, то в еще большей степени это относится к исторической науке. Здесь вообще правомерно говорить лишь о «квазитеориях», поскольку множество подлежащих объяснению исторических фактов достаточно ограничено, их нельзя воспроизвести по нашей воле для уточнения каких-либо параметров, более точной фиксации количественных зависимостей. В этом принципиальное отличие эмпирического базиса исторической науки от базиса большинства естественных и технических наук.

Более того, история человеческого общества чрезвычайно богата и многоаспектна, в то же время отбор исторических фактов (событий) проводится обычно таким образом, что история предстает перед нами как история политической власти. Такой отбор, по мнению Поппера, нельзя рассматривать как предпочтительный по сравнению с историей любых других аспектов человеческой деятельности. Почему же отдается предпочтение именно ему? Поппер указывает на такие причины, как воздействие политической власти на всех членов общества (в отличие, скажем, от поэзии), склонность к обожествлению власти, порожденную страхом, наконец, «то, что люди, обладающие властью, как правило, хотят того, чтобы их боготворили, и это им вполне удается — многие историки писали под надзором императоров, генералов и диктаторов»²¹.

Такая ситуация не только представляется мыслителю мало обоснованной в методологическом плане, но и возмущает его моральное чувство (вспомним, в какое время писались эти строки), и он резюмирует свою позицию следующим образом: «На мой взгляд, единой истории человечества нет, а есть лишь бесконечное множество историй, связанных с разными аспектами человеческой жизни, и среди них — история политической власти. Ее обычно возводят в ранг мировой

¹⁸ Там же, с. 79.

¹⁹ Поппер К. Открытое общество и его враги, с. 112.

²⁰ Там же, с. 300—301.

²¹ Там же, с. 312.

истории, но я утверждаю, что это оскорбительно для любой серьезной концепции развития человечества. Такой подход вряд ли лучше, чем трактовка истории воровства, грабежей или отравлений как истории человечества, поскольку история политической власти есть не что иное, как история международных преступлений и массовых убийств (включая, правда, некоторые попытки их пресечения). Такой истории обучают в школах и при этом превозносят как ее героев некоторых величайших преступников»²².

Очевидно, Поппер здесь несколько сгущает краски — исследователь и теоретик уступает место моралисту. Хотя политика и власть являются сферой, где моральные принципы нередко отступают на второй план, глубина ее воздействия на многие стороны жизни общества неоспорима. Известный социолог Р. Арон дает этому следующее обоснование: «Любое взаимодействие между людьми предполагает наличие власти; так вот, сущность политики заключается в способе осуществления власти и в выборе правителей. Политика — главная характерная черта сообщества, ибо она определяет условия любого взаимодействия между людьми... Политика характеризует не только часть социальной совокупности, но и весь облик сообщества. Если это так, то мы, как видно, признаем что-то вроде примата политики»²³.

В результате соответствующего отбора фактов историки часто приводят только те из них, которые укладываются в определенную, заранее сконструированную теорию, и если нет информации о других фактах, независимая проверка такой теории практически неосуществима. В этом смысле взаимоотношение теории и фактов в исторической науке принципиально циклично. Подобная опасность существует и в естественных науках, но для них усилиями методологов разработаны различные процедуры, позволяющие избежать ее. Исторические теории — в отличие от научных — Поппер называет «общими интерпретациями». В чем же состоит их познавательная и практическая ценность? «Интерпретации важны потому, что они выражают определенные точки зрения. Однако мы выяснили, что в историческом исследовании та или иная точка зрения обязательно присутствует, поэтому в истории крайне трудно построить такую теорию, которую можно проверить и которая, следовательно, имеет научный характер. Мы должны помнить о ее цикличности, а также о том, что всегда найдется ряд других (возможно, несовместимых между собой) интерпретаций, согласующихся с теми же историческими данными»²⁴.

Следует поэтому отказаться от наивной веры в то, что множество исторических фактов может быть интерпретировано единственным образом. Это не означает, конечно, равноценности всех интерпретаций, однако вопрос о критериях, в соответствии с которыми сопоставляются различные интерпретации и отдается предпочтение каким-либо из них, достаточно сложен. Интерпретации могут казаться несовместимыми, но эта несовместимость преодолима, если считать их выражением разных подходов к тем или иным проблемам, различного понимания их места в обществе. Скажем, две на первый взгляд противоречащие друг другу теории — о прогрессе человечества или его регрессе — вполне могут быть примирены, если рассматривать их как дополнительные, проводящие отбор исторических фактов в соответствии с принятыми установками, ценностными ориентациями и т. д. Это будут как бы два взгляда с разных точек на один и тот же ландшафт.

Но не является ли принципиальным дефектом исторических интерпретаций невозможность придать им научный статус (в смысле научности теорий естествознания)? Поппер отвечает на этот вопрос отрицательно, и такой ответ объясняется различием функций исторических интерпретаций и естественно-научных теорий, решаемых ими задач. В отличие от последних первые выражают прежде всего потребность человека найти свое место в историческом времени, соотнести

²² Там же.

²³ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993, с. 24—25.

²⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги, с. 307.

сегодняшние проблемы с опытом предшествующих поколений, причем эта потребность, как и способы ее реализации, сами по себе историчны, относительно, обусловлены национально-культурными и другими факторами. «Ведь у каждого поколения, — пишет философ, — есть свои трудности и проблемы, свои собственные интересы и свои взгляды на исторические события, и, следовательно, каждое поколение вправе воспринимать историю по-своему, интерпретировать ее со своей точки зрения, которая дополняет точку зрения предшествующих поколений. В конечном счете мы изучаем историю для того, чтобы удовлетворять свои интересы и, по возможности, понять при этом свои собственные проблемы. Однако ни одной из этих двух целей мы не достигнем, если, находясь под влиянием бесплодной идеи научной объективности, не решимся представить исторические проблемы со своей точки зрения»²⁵.

Другой крупнейший философ нашего века К. Ясперс несколькими годами позже в довольно близких формулировках выразил идею взаимосвязи прошлого

и настоящего, значение исторического знания для ориентации в современном мире: «Картина всемирной истории и осознание ситуации в настоящем определяют друг друга. Так же, как я вижу целостность прошлого, я познаю и настоящее. Чем более глубоких пластов я достигаю в прошлом, тем интенсивнее я участвую в ходе событий настоящего. К чему я принадлежу, во имя чего я живу — все это я узнаю в зеркале истории»²⁶.

Проблема «смысла истории»

Являясь последовательным критиком историцистских концепций, различных вариантов эсхатологического понимания исторического процесса, Поппер закономерно приходит к рассмотрению проблемы «смысла истории». Исходя из приведенного выше понимания им множественности истории, правомерности различных интерпретаций истории, представляется вполне последовательной следующая его позиция: «Я утверждаю, что история не имеет смысла. Из этого, конечно, не следует, что мы способны только с ужасом взирать на историю политической власти или что мы должны воспринимать ее как жестокую шутку. Ведь мы можем интерпретировать историю, исходя из тех проблем политической власти, которые мы пытаемся решить в наше время. Мы можем интерпретировать историю политической власти с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу, равенство и за предотвращение международных преступлений. Хотя история не имеет цели, мы можем навязать ей свои цели, и хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл... В конечном счете то же самое можно сказать и о «смысле жизни»²⁷.

Таким образом, Поппер вовсе не хочет, чтобы его отрицание объективной или заданной кем-то свыше цели (смысла) истории служило обоснованию исторического нигилизма или пессимизма. Он стремится как раз к обратному — обоснованию значимости осознанной, целенаправленной человеческой деятельности в истории, индивидуальной и коллективной ответственности за тот мир, в котором мы живем и который останется после нас. Понятия «смысл», «цель», «ответственность» могут рассматриваться как сущностные характеристики только человека и его деятельности. Отвергая историцистские концепции, он указывает на роль критического разума (осознающего пределы своих возможностей в конкретный исторический период) в создании более свободного, справедливого и совершенного общества. Эта точка зрения не является общепринятой. Так, с позиции Ясперса, выявление объективного смысла истории возможно. Оно предполагает прежде всего подход к человечеству как целому: «Мировую историю можно воспринимать как хаотическое скопление случайных событий, как беспорядочное нагромождение, как водоворот пучины... При таком понимании в истории нет единства, а

²⁵ Там же, с. 309.

²⁶ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 276.

²⁷ Поппер К. Открытое общество и его враги, с. 320—321.

следовательно, нет ни структуры, ни смысла, разве только этот смысл и эта структура находят свое выражение в необозримом числе каузальных сцеплений и образований, подобных тем, которые встречаются в природе, но значительно менее точно определяемых. Между тем задача философии истории решается в поисках этого единства, этого смысла, структуры мировой истории, а она может быть связана только с человечеством в целом»²⁸.

В этих противостоящих друг другу подходах к проблеме смысла истории есть нечто общее. На первый план оба философа выдвигают сущностные характеристики человека. Но если Ясперс подчеркивает значение единства человеческого рода и склоняется к объективированию смысла исторического процесса, то в центре внимания Поппера — текущая деятельность человеческого индивида. Только сам человек в процессе деятельности вправе определять, обосновывать или критически изменять ее смысл, переопределяя вместе с тем свое отношение к смыслу истории.

* * *

Результаты интеллектуального творчества любого крупного мыслителя в той или иной форме влияют на социально-политические доктрины и стратегии, иногда становясь их теоретико-методологической основой. Это относится и к Попперу. Его методология научного познания привлекает высокой оценкой творческих потенций разума, последовательной защитой идей свободы научного поиска и необходимости критической оценки его результатов. Для социальной философии Поппера характерны критика историцизма и основанного на нем упрощенного понимания предсказуемости будущего, а также обоснование необходимой осмотрительности и социальной ответственности реформаторов в их деятельности, направленной на преобразование общественных систем. В этом плане методологические подходы, разрабатываемые Поппером как одним из идеологов социальной инженерии, пользуются влиянием среди политических элит ряда западных демократий.

Конечно, научное знание не прекратило развития, и совершенно не обязательно рассматривать общую идею постепенности преобразований как некую абсолютную истину (что, кстати, противоречило бы духу философии Поппера). Так, на основе применения некоторых новых разделов математики к социальному прогнозированию выдвигаются гипотезы о правомерности и даже предпочтительности при определенных условиях именно «шоковой» терапии, позволяющей оптимальнее перевести социальную систему из плохого (кризисного) в лучшее состояние²⁹.

В послесловии к русскому изданию «Открытого общества», написанном в 1992 году, Поппер указывает на следующие, с его точки зрения, первоочередные задачи, стоящие перед современной цивилизацией: укрепление свободы и осознание вытекающей из нее ответственности, поддержание всеобщего мира (особенно в связи с риском распространения ядерного оружия), борьба с бедностью и демографическим взрывом, обучение ненасилию, поскольку «отличительной чертой цивилизованного общества является то, что оно постоянно занято поиском мирного, ненасильственного решения стоящих перед ним проблем»³⁰.

«Если мы думаем, что история прогрессирует или что мы вынуждены прогрессировать,— пишет Поппер,— то мы совершаем такую же ошибку, как и те, кто верит, что история имеет смысл, который может быть в ней открыт, а не придан ей»³¹.

Прогресс общества зависит от нашей способности учитывать и переосмысливать опыт прошлого, адекватно использовать растущее знание об окружающем мире для выбора целей деятельности, путей и способов их достижения, критической оценки результатов.

²⁸ Я с п е р с К. Указ. соч., с. 275.

²⁹ См. Л е с к о в Л. Катаклизмы в России в свете теории катастроф. «Общественные науки и современность», 1994, № 1.

³⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги, с. 488.

³¹ Там же, с. 322.